

Повесть А. Платонова «Впрок» в оценках советской критики

Руслан Поддубцев

Статья представляет собой анализ критических отзывов на повесть А. Платонова «Впрок». Автор стремится раскрыть познавательное значение тенденциозных текстов. В статье также выявляется стратегия творческого поведения А. Платонова.

Ключевые слова: Андрей Платонов, «Впрок», литературная критика, Сталин, юродство.

В начале 1930 гг. осведомителям ОГПУ стало известно, что А. Платонов готовит к печати «двусмысленную» повесть «Впрок». Ее подготовка шла медленно и трудно, текст неоднократно переписывался. Судя по сохранившимся внутренним рецензиям, многие редакторы боялись взять на себя даже частичную ответственность¹. И их опасения понятны. 2 марта 1930 г. И. Сталин выступил в «Правде» со статьей «Головокружение от успехов», осудив «перегибы на местах», допущенные в процессе всеобщей коллективизации. Повесть «Впрок» – своеобразный отклик на сталинскую директиву. Товарищ Уповев, один из персонажей произведения, восклицает: «Перегибщик иль *головокруженец* [курсив наш. – Р.П.] есть подкулачник...»². Во-первых, эта реплика, помещенная в гротескный контекст, звучит у Платонова комично. Во-вторых, никто, кроме И. Сталина, не имел права определять, что именно является «перегибом».

Предыстория публикации

Каким же образом «бедняцкая хроника» все-таки преодолела цензурные барьеры? Об этом впоследствии кратко рассказал сам писатель: «Тогда же, когда она [повесть «Впрок». – Р.П.] была одобрена [в ГИХЛе. – Р.П.], я отдал в “Красную новь”, там был редактором Беспалов. Они

Поддубцев Руслан Александрович – кандидат филологических наук, редактор кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, poddubtsev@gmail.com

приняли эту рукопись. Причем со стороны одного члена редколлегии она была принята с такой *высокой оценкой*, что я подумал, что он обманывает меня, ибо я привык думать, что мне далеко до пролетарского писателя, и даже настолько *идеологически полезной* [курсив наш. – Р.П.], по их мнению, что предложили параллельно печатать в другом журнале. Затем в редакции были организационные изменения, новый редактор [А. Фадеев. – Р.П.] посмотрел, потребовал переработки, опять началась переработка и опять напечатали»³. И Беспалов счел платоновский вариант повести «Впрок» приемлемым, сменивший его на посту главного редактора журнала «Красная новь» А. Фадеев не обратил на спорное произведение особого внимания, ограничившись частичной правкой.

Едва ли Платонов стремился опубликовать заведомо негодный текст, то есть спровоцировать бесплодный конфликт. В его блокноте есть любопытная запись, относящаяся к 1930 г.: «Как мне охота художественно писать, ясно, чувственно, классово верно!»⁴ И еще один довод. Осведомитель ОГПУ сообщал: «Платонов работает над этой рукописью [повестью «Впрок». – Р.П.] с тем большей неохотой, что не придает ей большого значения. Он не считает ее и правильной, но говорит, что она имеет для него значение завершения определенного периода развития и начала нового»⁵. Писатель, кажется, почувствовал необходимость перейти на другой уровень – тематический и эстетический. Но этот уровень осваивался им достаточно медленно. Так, пьеса «Шарманка», созданная в конце 1930 г., по духу и манере исполнения мало чем отличается от «Чевенгура» или «Усомнившегося Макара». А вот повесть «Хлеб и чтение» (первая часть неоконченного «Технического романа»), работа над которой была начата в 1931 г., уже лишена сатирической остроты. Кроме того, она автобиографична. В новом произведении

Платонов развивает свою излюбленную тему: мыслящий человек и природа. Или шире – культура (чтение) и натура (хлеб).

Разгромная кампания

Журнал «Красная новь» напечатал повесть «Впрок» в третьем номере за 1931 г. Это событие решило судьбу Платонова. Затронув болезненные вопросы первой пятилетки, писатель не дал на них однозначных ответов. За отклонение от «генеральной линии» он заплатил собственной репутацией. В монографии «“Нэповская оттепель”: становление института советской литературной критики» Н. Корниенко убедительно показывает, что к 1928 г. «всякие дискуссии о крестьянских платформах группировок завершились. Определилась четкая оппозиция: “кулацкая литература” – “колхозная литература”»⁶. Прочитав повесть «Впрок», И. Сталин оставил на полях экземпляра «Красной нови» грубые пометы («дурак», «пошляк», «балаганщик», «беззубый остряк», «болван») и направил в редакцию журнала саркастичную записку: «Рассказ *агента* [курсив наш. – Р.П.] наших врагов, написанный с целью развенчания колхозного движения и опубликованный головоотяпами-коммунистами с целью продемонстрировать свою непревзойденную слепоту. <...> P.S. Надо бы наказать и автора и головоотяпов так, чтобы наказание пошло им “впрок”»⁷.

Партийные критики отреагировали мгновенно, организовав разгромную кампанию. На пленуме Московской ассоциации пролетарских писателей в начале июня 1931 г. Платонова объявили – по подделке И. Сталина – вражеским агентом, а его «бедняцкую хронику» переименовали в «кулацкую»⁸. 10 июня Платонов пишет жене: «В день твоего отъезда [4–5 июня. – Р.П.] я узнал, что меня будут сильно критиковать за “Впрок”. Сегодня уже есть подвал в “Литературной газете” против “Впрока”. Наверно, будет дальнейшая су-

ровая критика. Перемучившись, обдумав все (думать над коренным изменением своей литературной деятельности – я начал еще с осени; ты знаешь про это), – я решил отказаться, отречься [курсив наш. – Р.П.] от своего литературного прошлого и начать новую жизнь. Об этом я напишу в газеты “Правда” и “Литературная газета”, – пришлю тебе напечатанное письмо. Когда увидимся, я тебе все объясню и ты поймешь, что это высшее мужество с моей стороны. Другого выхода нет. Другой выход – гибель»⁹. Вероятно, осведомителю ОГПУ, сообщавшему в декабре 1930 г. о том, что Платонов намерен завершить один «период развития» и начать другой, можно верить. Очевидно, история душевной жизни писателя сложнее, чем его формальная биография.

Кто же привел в исполнение сталинский «приговор»? Упомянутый в платоновском письме к жене «подвал» в «Литературной газете» – это рецензия А. Селивановского под названием «В чем “сомневается” Андрей Платонов». Журнал «На литературном посту» напечатал статью И. Макарьева «Клевета», газета «За коммунистическое просвещение» – Д. Ханина «Пасквиль на колхозную деревню», «Правда» – В. Дятлова «Больше внимания тактике классового врага», «Известия» – А. Фадеева «Об одной кулацкой хронике». Последняя статья также была опубликована в журнале «Красная новь».

На наш взгляд, нет необходимости рассматривать каждый из этих материалов в отдельности. Почти все они сконструированы по одному шаблону: цитаты из повести «Впрок» обрамляются предвзятыми умозаключениями. Продуктивнее сосредоточиться на общих чертах критических отзывов.

Литературные чиновники, по своему обыкновению, отождествляют рассказчика с писателем. Так, А. Селивановский подчеркивает: «...мы можем в данном случае,

ни в малой мере не опасаясь вульгаризации, поставить знак равенства между автором и лицом, ведущим повествование...»¹⁰. Д. Ханин с ним согласен: «Оставим путника в стороне. Его глаза – это глаза Платонова. Здесь полное тождество взглядов автора и героя, которого, собственно, и нет»¹¹. Оба критика не обосновывают выдвинутых положений. Несложно найти в их текстах и другие перекликающиеся пассажи. Подчас обвинители дублируют друг друга. Сначала А. Селивановский: «Не думайте, что автор бредит. Он лишь подставляет кривое зеркало»¹². Затем Д. Ханин: «Колхозная деревня показана в нем [в произведении, то есть в повести «Впрок». – Р.П.], как в кривом зеркале...»¹³. «Оптическая» метафора наводит на мысль об известной ленинской статье «Лев Толстой как зеркало русской революции». И это, скорее всего, не единственное прямое заимствование. Надо полагать, благодаря В. Ленину, объявившему Л. Толстого юродствующим помещиком, популярность в большевистских кругах приобрело слово «юродивый». В откликах на повесть «Впрок» это слово и его производные встречаются более 20 раз. Приведем характерные примеры. А. Фадеев: «Стоит только поворошить одежонки, которыми прикрылся “душевный бедняк”, как из-под “оригинальности” его художественной манеры выглянет совсем не оригинальный, а уже примелькавшийся и уже разоблачаемый массой крестьянства хитроватый “юродивый” – себе на уме – ведущий свою кулацкую линию»¹⁴. И. Макарьев: «Убогий, с претензией на оригинальничание, юродствующий язык лесковских дьяконов, вымученное и противоестественное словосочетание, словесное манерничание, фигурлярство и кривляние, абсолютное незнание быта и языка деревни... все это говорит о том, что вылазка произведена хитрым, но малоталантливым представителем кулачества»¹⁵. А. Селивановский: «Путь от “Че-Че-О” и “Усомнившегося Макара” к “Бедняцкой

хронике" завершен. Этот путь является одновременно и путем творческого вырождения Платонова: убогое, утомительное, повторяющее себя юродство – таков стиль произведения, именуемого "Впрок"¹⁶. Прочитанные реплики превратны и бестактны. Несмотря на это, нельзя пренебрегать заложенным в них познавательным потенциалом. Отклики ангажированных рецензентов помогают обнаружить стратегию творческого поведения опального писателя.

Литературное юродство Платонова

Возникает вопрос: почему акцент был сделан на слове из дореволюционного лексикона – «юродивый»? Отсылка к наследию В. Ленина не объясняет главного. Отчасти проблема заключается в поэтике повести «Впрок», точнее в специфике восприятия подобных произведений советскими критиками. Выявляя отрицательные стороны коллективизации, Платонов не высмеивал социалистической идеи. На творческом вечере в 1932 г. он признался: «Я себя не сознавал сатириком и не старался им быть. Я искал возможности быть *политическим* [курсив наш. – Р.П.] писателем»¹⁷. Парадоксальная фраза. В общем «бедняцкая хроника» представляет собой гротескную пародию, ее стилистика наводит на мысли о шутовстве. Шут традиционно находится за пределами официальной культуры, то есть вне политики. Но противоречия здесь нет. Чтобы оценить точность слов, произнесенных Платоновым, необходимо принять во внимание период 1930–1940 гг. Что является объектом пародии в повести «Впрок»? Писатель обыгрывает не столько реальные события, сколько сталинский новояз. Он выворачивает наизнанку мифологию эпохи. А язык – это одна из опор тоталитарной власти. Е. Добренко сделал важное наблюдение: «Советский социализм был в значительной степени продуктом воображения. Сам вождь был продуктом язы-

ка. Неудивительно, что любое покушение на язык воспринималось как покушение на социальный порядок, на режим»¹⁸. Исследователь также заключил: «Коммуникативная стратегия сталинизма основана на текстуализации власти. <...> Марксизм-ленинизм выполнял функцию священных текстов»¹⁹. По сути, предпринятую Платоновым деформацию казенного дискурса рапповцы приравнивали к кощунству. В их устах гротескная пародия превратилась в сатиру, художник – в политика, колпак шута – в рублище юродивого.

Одна рецензия на повесть «Впрок» все-таки заслуживает отдельного рассмотрения. Это рецензия В. Дятлова в «Правде». Она отличается от других ругательных опусов большей точностью и меньшей эмоциональностью. Во-первых, критик весьма неудачно сравнил Платонова с М. Салтыковым-Щедринным (конечно, не в пользу первого). Если «Город Градов» напоминает «Историю одного города», то «Впрок» – это вещь, лишенная щедринского негативно-пафоса. В финале «бедняцкой хроники» рассказчик выражает надежду на то, что бесклассовое общество будет построено до того, как умрут люди, совершившие пролетарскую революцию. Во-вторых, В. Дятлов обнажил необычный платоновский прием: «...не только ничего не отрицать, а наоборот, выдавать себя за явного, даже "левого" защитника и приверженца коммунизма, всячески поддерживать правых оппортунистов, использовать их "сомнения", доводя эти "сомнения" до логического конца»²⁰. Позиция критика не вызывает принципиальных возражений. Нужно лишь вычеркнуть глагол «выдавать», придающий всему отрывку разоблачительный оттенок. Интересно, что несколько десятилетий спустя И. Бродский в эссе «Катастрофы в воздухе» частично процитировал В. Дятлова: «...Платонов был склонен доводить свои слова до их логического – то есть абсурдного, то есть полностью парализующего –

конца [курсив наш. – Р.П.]»²¹. Журналист «Правды» и несоветский поэт ведут речь о двух сторонах одной особенности. Платонов – естествоиспытатель *par excellence* (электротехник, сторонник концепции жизнестроения) – проверял на прочность как философские идеи, так и язык, на котором эти идеи формулировались.

Покаянные письма

Разгромная кампания еще не достигла апогея, когда Платонов написал два покаянных письма. Одно из них он послал И. Сталину (8 июня), а другое передал в редакции «Правды» и «Литературной газеты» (9 июня). Суть этих писем проста. Платонов отрекается от созданных ранее произведений и обещает возместить ущерб, причиненный повестью «Впрок». Даже обращаясь к Сталину, он не оставляет манеры, которую рецензенты сочли «юродской». Вот так писатель изображает процесс собственной идеологической перестройки: «В результате труда и нового, т.е. пролетарского подхода к действительности, мне становилось все более легко и свободно, точно я возвращался домой из чужих мест»²². А текст, предназначавшийся для периодики, завершается вызывающим советом: «...каждому критику, который будет заниматься произведениями Платонова, рекомендуется иметь в виду это письмо»²³. Ответа от генсека Платонов, разумеется, не получил. Ведущие газеты не предоставили ему возможности объясниться. Во второй половине 1931 г. автор «бедняцкой хроники» оказался в информационном вакууме, из которого он с трудом выбрался спустя несколько лет.

Испытав на себе тягостный гнет критики, Платонов в очередной раз обратился за помощью к М. Горькому. Его письмо, отправленное 24 июля, содержит, в частности, такую пронзительную фразу: «...я классовым врагом стать не могу и довести меня до этого состояния нельзя, по-

тому что рабочий класс – это моя родина, и мое будущее связано с пролетариатом»²⁴. Видимо, внелитературным фактам Платонов придавал большее значение, чем фактам эстетическим. Последовательно отклоняя все обвинения в хитрости и лукавстве, писатель охотно признавал, что в художественном отношении повесть «Впрок» – текст «второстепенный». По его словам, за неудовлетворительным результатом стояли благие намерения. Правда, это обстоятельство Платонов не считал смягчающим. Он ни о чем прямо не просил Горького, ожидая, судя по всему, хотя бы какой-то реакции. Однако ее не последовало – писатель промолчал.

Вторая волна критики

Голоса рапповцев быстро породили многократное эхо. В девятом номере журнала «Земля советская» была напечатана обзорная статья Д. Амурского «Заметки по существу». Журналист не обошел вниманием Платонова. Любопытно, что он не в пример Селивановскому и Ханину проводит черту (пусть пунктирную) между писателем и рассказчиком. Амурский заявляет: «Главное в том, что странник этот на кулака сильно смахивает и автор ему явно сочувствует. В этом соль»²⁵. И далее: «Платоновский “бедняк” явно тенденциозен в подходе к фактам колхозного строительства»²⁶. Все-таки «платоновский бедняк», а не сам Платонов. Сотрудник «Земли советской» относит центрального персонажа повести (а опосредованно и ее автора) к пессимистам. Не исключено, что Платонов размышлял над словами Амурского. Он заочно ответил журналисту в записной книжке 1931–1932 гг.: «У меня личный пессимизм, а оптимизм – весь социальный»²⁷. Повесть «Впрок» отнюдь не безрадостное произведение. Т. Сейфрид справедливо утверждает, что пессимизм, о котором часто говорили критики, происходил «из фундаментальной сложности мировоззрения Платонова,

а не только из разочарования в событиях, совершившихся в советском обществе»²⁸. Смешение личного и социального – примета сталинской культуры.

В августе 1931 г. Платонов находился в командировке по колхозам Заволжья, а осенью работал над повестью «Ювенильное море» и пьесой «Высокое напряжение»²⁹. Между тем дурная слава «бедняцкой хроники» добралась и до его родного города. Главный редактор воронежского ежемесячника «Подъем» М. Подобедов напечатал во вверенном ему издании серию отчетов о четвертом и пятом пленумах РАППа, а также стенограмму своего доклада на втором пленуме Ассоциации пролетарских писателей Центрально-Черноземной области. В этих материалах он поставил Платонова в один ряд с Б. Пильняком, В. Правдухиным и О. Форш³⁰. Всех перечисленных писателей М. Подобедов назвал «необуржуазными». Кроме того, на страницах «Подъема» повесть «Впрок» раскритиковал Л. Плоткин³¹. Оба воронежца не сообщили ничего нового, поскольку они ориентировались на столичную прессу. Впрочем, и в Москве кампания по борьбе с кулацкими и троцкистскими агентами в литературе приобрела экстенсивный характер. Содержание от статьи к статье почти не менялось, зато расширялся список инакомыслящих. П. Березов во втором номере журнала «Пролетарский авангард» за 1932 г. огласил еще несколько громких имен: В. Каверин, Б. Пастернак, Л. Грабарь, А. Тарасов, Я. Ларри. А первостепенными антигероями его обзора «Под маской» стали два Андрея – Платонов и Новиков. Журналист упрекнул обоих писателей в том, что они «стилизацией речи под юродивого пытаются замаскировать, скрыть классово враждебный тон своих реакционных высказываний»³². С точки зрения П. Березова, «попутчики» невольно дополняли и поддерживали друг друга,

а значит, их действия были в некотором роде согласованными. Партийная критика, как и тайная полиция, предпочитала иметь дело с объединениями, а не с конкретными людьми.

Реакция профессионального сообщества

Судя по воспоминаниям и официальным документам, многие профессиональные литераторы встретили повесть «Впрок» с восторгом. Е. Замятин, эмигрировавший в ноябре 1931 г., в письме к американскому слависту А. Ярмолинскому дал «бедняцкой хронике» лестную оценку: «...это произведение, в основе которого впечатление от "колхоза", довольно сатирическое, но очень интересное и хорошо написанное»³³. Замятин рекомендовал «Впрок» в качестве текста, наилучшим образом отражающего жизнь советской России начала 1930 гг. Одно незаурядное свидетельство оставил осведомитель ОГПУ: «Васильев сказал, что Платонов может быть кем угодно, только не дураком. Такие дураки не бывают. <...> Потом он опять вернулся к Платонову, сказал, что Платонов это предсказатель, что он гениален...»³⁴. Так поэт П. Васильев прокомментировал сталинский отзыв об авторе «бедняцкой хроники». Перед нами уже знакомое противопоставление: дурак (шут) и предсказатель (юродивый). Наконец, даже Фадеев, если верить мемуаристам, уважал Платонова и поносил его в печати потому, что боялся Сталина. Однако эти факты не умаляют трагичности переворота, который произошел в судьбе писателя.

К концу 1931 г. повесть «Впрок» уже перестала вызывать у критиков фанатичную злобу. Она превратилась в хрестоматийный пример политически вредного произведения. Общее напряжение постепенно ослабело.

* * *

- ¹ См.: Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. М., 1994. С. 281–285. (Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov: Materialy k biografii. Moskva, 1994. S. 281–285.)
- ² Платонов А.П. Эфирный тракт: Повести 1920-х – начала 1930-х годов / Под ред. Н.М. Малыгиной. М., 2011. С. 330. (Platonov A.P. Efirnyy trakt: Povesti 1920-kh – nachala 1930-kh godov / Pod red. N.M. Malyginoy. Moskva, 2011. S. 330.)
- ³ Цит. по: Андрей Платонов: Воспоминания современников. С. 301. (Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov. S. 301.)
- ⁴ Платонов А.П. Записные книжки: Материалы к биографии. 2-е изд. М., 2006. С. 64. (Platonov A.P. Zapisnye knizhki: Materialy k biografii. 2-e izd. Moskva, 2006. S. 64.)
- ⁵ Цит. по: Гончаров В., Нехотин В. Андрей Платонов в документах ОГПУ – НКВД – НКГБ. 1930–1945 // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М., 2000. С. 849. (Goncharov V., Nekhotin V. Andrey Platonov v dokumentakh OGPU – NKVD – NKGB. 1930–1945 // «Strana filosofov» Andrey Platonova: Problemy tvorchestva. Vyp. 4. Moskva, 2000. S. 849.)
- ⁶ Корниенко Н.В. «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М., 2010. С. 213. (Kornienko N.V. «Nepovskaya ottepel'»: Stanovlenie instituta sovetской literaturnoy kritiki. Moskva, 2010. S. 213.)
- ⁷ Цит. по: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 2002. С. 150. (Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TsK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoy politike. 1917–1953. Moskva, 2002. S. 150.)
- ⁸ См. обэтом: Я.Э. Нарасширенном пленуме МАПП // За коммунистическое просвещение. 1931. Июнь, 11. (Ya. E. Na rasshirennom plenumе МАПП // Za kommunisticheskoe prosveshchenie. 1931. Iyun', 11.)
- ⁹ Архив А.П. Платонова. Книга 1. Научное издание. М., 2009. С. 498. (Arkhiv A.P. Platonova. Kniga 1. Nauchnoe izdanie. Moskva, 2009. S. 498.)
- ¹⁰ Селивановский А. В чем «сомневается» Андрей Платонов // Литературная газета. 1931. Июнь, 10. (Selivanovskiy A. V chem «somnevaetsya» Andrey Platonov // Literaturnaya gazeta. 1931. Iyun', 10.)
- ¹¹ Ханин Д. Пасквиль на колхозную деревню // За коммунистическое просвещение. 1931. Июнь, 12. (Khanin D. Paskvil' na kolkhoznyuyu derevnyu // Za kommunisticheskoe prosveshchenie. 1931. Iyun', 12.)
- ¹² Селивановский А. Указ. соч. (Selivanovskiy A. Ukaz. soch.)
- ¹³ Ханин Д. Указ. соч. (Khanin D. Ukaz. soch.)
- ¹⁴ Фадеев А. Об одной кулацкой хронике // Известия. 1931. Июль, 3. (Fadeev A. Ob odnoy kulatskoy khronike // Izvestiya. 1931. Iyul', 3.)
- ¹⁵ Макарьев И. Клевета // На литературном посту. 1931. № 18. С. 27. (Makar'ev I. Kleveta // Na literaturnom postu. 1931. № 18. S. 27.)

- ¹⁶ Селивановский А. Указ. соч. (Selivanovskiy A. Ukaz. soch.)
- ¹⁷ Цит. по: Андрей Платонов: Воспоминания современников. С. 224. (Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov. S. 224.)
- ¹⁸ Dobrenko E., Levchin S. Platonov and Stalin: Dialogues in Double Dutch // *Ulbandus Review*. 2012. Vol. 14. P. 208.
- ¹⁹ Ibid. P. 202–203.
- ²⁰ Дятлов В. Больше внимания тактике классового врага // *Правда*. 1931. Июнь, 18. (Dyatlov V. Bol'she vnimaniya taktike klassovogo vruga // *Pravda*. 1931. Iyun', 18.)
- ²¹ Бродский И.А. Катастрофы в воздухе // Бродский И.А. *Власть стихий*. СПб, 2012. С. 182. (Brodskiy I.A. Katastrofy v vozdukh // Brodskiy I.A. *Vlast' stikhiy*. Sankt-Peterburg, 2012. S. 182.)
- ²² Цит. по: Платонов А.П. *Эфирный тракт*. С. 543. (Platonov A.P. *Efirnyy trakt*. S. 543.)
- ²³ Там же. С. 546. (Tam zhe. S. 546.)
- ²⁴ Цит. по: Аннинский Л.А. Откровение и сокровение: Горький и Платонов // *Литературное обозрение*. 1989. № 9. С. 8. (Anninskiy L.A. Otkrovenie i sokrovenie: Gor'kiy i Platonov // *Literaturnoe obozrenie*. 1989. № 9. S. 8.)
- ²⁵ Амурский Д. Заметки по существу // *Земля советская*. 1931. № 9. С. 124. (Amurskiy D. Zametki po sushchestvu // *Zemlya sovetskaya*. 1931. № 9. S. 124.)
- ²⁶ Там же. (Tam zhe.)
- ²⁷ Платонов А.П. *Записные книжки*. С. 94. (Platonov A.P. *Zapisnye knizhki*. S. 94.)
- ²⁸ Seifrid T. *Andrei Platonov: Uncertainties of spirit*. New York, 1992. P. 42.
- ²⁹ См.: Корниенко Н.В. *История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946)* // *Здесь и теперь*. 1993. № 1. С. 167–170.
- ³⁰ См.: Подобедов М. За ленинский этап пролетарской литературы // *Подъем*. 1931. № 10. С. 58; Подобедов М. За решительную перестройку // *Подъем*. 1931. № 11–12. С. 66; Подобедов М. За большевистскую перестройку // *Подъем*. 1932. № 1. С. 78; Fadeev A. Речь на открытом совещании критиков РАПП // Там же. С. 91. (Podobedov M. Za leninskiy etap proletarskoy literatury // *Pod'em*. 1931. № 10. S. 58; Podobedov M. Za reshitel'nyuyu perestroyku // *Pod'em*. 1931. № 11–12. S. 66; Podobedov M. Za bol'shevistskiyu perestroyku // *Pod'em*. 1932. № 1. S. 78; Fadeev A. Rech' na otkrytom soveshchanii kritikov RAPP // Tam zhe. S. 91.)
- ³¹ См.: Плоткин Л. Классовая борьба на литературном фронте // *Подъем*. 1932. № 3–4. С. 93. (Plotkin L. Klassovaya bor'ba na literaturnom fronte // *Pod'em*. 1932. № 3–4. S. 93.)
- ³² Березов П. Под маской // *Пролетарский авангард*. 1932. № 2. С. 182. (Berezov P. Pod maskoy // *Proletarskiy avangard*. 1932. № 2. S. 182.)
- ³³ Цит. по: Платонов А.П. *Эфирный тракт*. С. 548. (Platonov A.P. *Efirnyy trakt*. S. 548.)
- ³⁴ Цит. по: Гончаров В., Нехотин В. Указ. соч. С. 851. (Goncharov V., Nekhotin V. Ukaz. soch. S. 851.)